

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРАНИЦАХ ЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА И ТАКТЕ В РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ (по данным социолингвистического эксперимента)

О. С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Россия, 644066, Омск, пр. Мира, д. 55А
Институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
Поступила в редакцию 27.02.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-9

Рассмотрены результаты анкетирования, на основании которых реконструированы представления о такте и бестактности в русской коммуникативной культуре. Автор исходит из понимания такта как коммуникативной стратегии в рамках категории вежливости, тесно связанной с представлениями носителей языка о границах личного пространства. Согласно этому, такт определяется как стратегия коммуникативного поведения, обусловленная желанием не нанести ущерба личной сфере собеседника. Показано, что представления о границах личного пространства и такте относятся к числу значимых для описания национальной коммуникативной культуры.

В фокусе внимания находится один из типичных способов нарушения границ личной сферы – бестактный вопрос. Анкета сформирована на основе наблюдений за поведением участников интервью, где отдельные вопросы журналиста маркированы одним из собеседников как бестактные или неприличные. Установлено, что наличие непосредственного адресата и массовой аудитории задает параметры оценивания публичных высказываний в аспекте допустимости или потенциальной угрозы «лицу» собеседника.

Цель исследования – анализ оценки информантами предложенных в анкете «бестактных» высказываний в аспекте их допустимости в публичном общении. Представлены результаты анкетирования по четырем тематическим блокам, находящимся в зоне коммуникативных рисков: возраст, семья и брак, религия, секс. На основе полученных количественных результатов установлены интуитивно ощущаемые носителями русского языка социальные нормы дозволенного внедрения в личную сферу коммуникантов, определено влияние возрастных характеристик информантов на оценку высказываний. Отмечены случаи, когда ответы информантов демонстрируют неоднозначность оценок, что свидетельствует о вариативности современных представлений о такте и бестактности и, следовательно, об изменении социальных норм.

Ключевые слова: категория вежливости, такт, личное пространство, коммуникативная культура, бестактный вопрос, неприличный вопрос, интервью, коммуникативные нормы

Я не люблю, когда мне лезут в душу...
В. Высоцкий

1. Введение

Описание коммуникативного поведения любой социальной группы опирается на понятие коммуникативной культуры, которое аккумулирует представления о нормах и правилах, определяющих успешную

коммуникацию в том или ином социокультурном сообществе. И. А. Стернин рассматривал коммуникативную культуру народа как компонент его национальной культуры, «отвечающий» за коммуникативное поведение нации (Стернин, 2008, с. 109). Взаимосвязь и взаимообусловленность культуры и коммуникации отмечал Ю. М. Лотман, определяя культуру как семиотическое пространство — и результат, и условие развития культуры: «являясь коммуникационной системой и обслуживая коммуникативные функции, культура в принципе должна подчиняться тем же конструктивным законам, что и другие семиотические системы» (Лотман, 2004, с. 396). Именно в рамках определенной культуры формируются социальные нормы, стандарты, принципы и правила коммуникативного поведения.

Как отмечают исследователи, коммуникативные культуры различаются по степени регламентированности поведения, в том числе запретов и предписаний. Например, считается, что английская коммуникативная культура является более регламентированной по сравнению с русской, для которой характерен более свободный и естественный стиль коммуникации (Культура и коммуникация, 2024). На наш взгляд, доказательство подобных гипотез требует формализованного описания коммуникативного поведения на основе сопоставления различных факторов, параметров и признаков, как это было сделано в работах И. А. Стернина и его последователей (Стернин, 2008).

Понятие коммуникативной культуры по определению является междисциплинарным, поскольку в описании человеческого общения совмещаются как лингвистические, так и этические, социальные-психологические, профессиональные, культурологические аспекты (Жуков, 1997; Столяров, 2003; Викулина, Смирнова, 2010; Дзялошинский, 2022 и др.). В лингвистическом аспекте коммуникативная культура рассматривается в контексте норм и ценностей речевого общения (Дементьев, 2016, с. 26–40) и определяется «уровнем освоения, принятия и применения... в повседневной практике общения норм, ценностей, знаний, умений в области эффективной коммуникации» (Викулина, Смирнова, 2010, с. 31).

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» отсутствует отдельная статья о коммуникативной культуре, однако неоднократно отмечается значимость коммуникативного компонента в определении культурно-речевых понятий (Культура русской речи, 2007, с. 287–289).

Обобщая практику использования понятия «коммуникативная культура» в лингвистическом аспекте, Ю. А. Баженова отмечает, что в число его компонентов входит «способность строить общение в соответствии со своими целями, достигая максимальной эффективности речевых действий», а также «стремление учитывать не только собственную позицию, но и позиции, интересы партнеров по общению и общества в целом» (Баженова, 2015, с. 34). Уровень сформированности навыков коммуникативной культуры проявляется в определенных ха-

раактеристиках речевого поведения, в том числе в эмпатии, вежливости, соблюдении тематических ограничений и табу и др. К числу значимых для описания коммуникативной культуры параметров считаем целесообразным отнести *представления о границах личного пространства и связанном с ними понятии такта*, которые так же, как и другие параметры, имеют национально-культурную специфику.

Проблема описания типичных черт коммуникативного поведения в рамках конкретной лингвокультуры имеет многолетнюю научную традицию и, несмотря на это, далека от решений, однозначно принимаемых научным сообществом. Территориальная, этническая, культурная, даже этическая дифференциация внутри одного конкретного социума весьма велика, что затрудняет выделение каких-то значимых для типичного поведения его членов характеристик и их верификацию. Кроме того, оценка тех или иных ситуативных моделей поведения во многом зависит от субъективных и объективных факторов, которые затрудняют типизацию (Очерк..., 2001, с. 32–37).

Исследователи национального коммуникативного поведения не раз отмечали специфику коммуникативных норм, которая обнаруживается при сопоставлении поведения представителей той или иной нации, что позволяет поставить вопрос о специфике отдельных коммуникативных категорий применительно к описанию конкретной лингвокультуры (Прохоров, Стернин, 2002; Leech, 2007; Ларина, 2009; Larina, 2015). Объектом нашего исследования является категория «личного пространства» носителей современной русской лингвокультуры, которая проецируется на речевое поведение, определяя его характеристики в понятиях «тактичности» и «бестактности».

2. Личное пространство² и такт в аспекте коммуникативной культуры

Представления о психологических, социальных и лингвокультурных границах личного пространства имеют субъективный характер. «Избирательно воспринимая и оценивая объекты и условия физического и социального пространства, человек ранжирует последние по степени индивидуальной значимости и ценности, “помещая” их в свое личностное пространство» (Дерябин, Дерябина, 2011). Мы говорим «мой / наш университет», «моя / наша кафедра», «мой / наш город»,

² В психологии понятия *личного* и *личностного* пространства разграничиваются, хотя нередко употребляются синонимично. Под *личным пространством* обычно подразумевают зону комфорта, в первую очередь дистанцию в общении, физическую и территориальную независимость от других. *Личностное пространство* включает в себя ценности, смыслы, образы и символы, в которых выражается степень значимости объектов и явлений для индивида. В нашем исследовании мы употребляем обозначение *личное пространство* метафорически, подчеркивая конфиденциальность психологического пространства индивидуума, которое ограничено от вторжения «чужих».

на интуитивном уровне выбирая то обозначение, которое соответствует представлениям о значимости данных объектов в нашей модели мира. Значимыми эти явления становятся благодаря обладанию личностным смыслом для субъекта, и поэтому вполне естественна потребность защитить эти границы теми или иными средствами.

С.К. Нартова-Бочавер рассматривает понятие «психологическое пространство личности», которое характеризует поведение человека в мире. Как отмечает автор, личное пространство подвижно и зависит от интенсивности и осмысленности жизнедеятельности человека, оно развивается в онтогенезе и сочетается с другими качествами личности. Но наиболее важной, на взгляд исследователя, «является прочность его границ, дающая человеку переживание суверенности собственного Я, чувство уверенности, безопасности, доверия к миру. <...> Не очень интересно, каким “метражом” исчисляется пространство, главное, чтобы оно было достаточным для субъекта» (Нартова-Бочавер, 2002, с. 37).

Тем не менее интерес к «измерению метража» психологического пространства личности вполне закономерен. Без этого невозможно делать какие-либо аргументированные выводы ни о специфике отдельной культуры, ни о коммуникативных особенностях разных культур. В психологии не раз предпринимались попытки эмпирического изучения личного / личностного пространства, однако в качестве параметров для измерений этого феномена чаще всего рассматривались условия комфортного общения в рамках проксемики – например, предпочтения в выборе оптимальной дистанции в процессе коммуникации (Altman, 1975).

Логично предположить, что и в речевой коммуникации субъект нуждается в том, чтобы создавать и оберегать пространство собственного Я, обладать личной, не разделенной с «чужими» информацией, охранять «территорию» собственных ценностей и смыслов от намеренного или ненамеренного вторжения. В коммуникативном контексте нарушение личного пространства расценивается как невежливость и описывается через оппозицию понятий «такт» и «бестактность».

В работах, посвященных исследованию категории вежливости на материале русского и других языков, выделяется направление, где вежливость рассматривается в аспекте сохранения «позитивного лица говорящего». Истоки этого подхода связывают с исследованиями канадского социолингвиста и социального психолога И. Гоффмана: в 1950–1960-х годах он определил «лицо» как публичный имидж, который говорящий стремится сформировать в глазах других в социальных коммуникациях (Goffman, 1959; 1967). В дальнейшем эта идея была конкретизирована П. Браун и С. Левинсоном в их теории «позитивного» и «негативного» лица (Brown, Levinson, 1987).

Вполне закономерно, что описание речевого поведения, угрожающего лицу говорящего (face-threatening acts), в большей степени актуально для сферы публичной коммуникации, поскольку понятие «ли-

ца» в данном случае включает социальный контекст и пересекается с понятием имиджа. Разумеется, стремление не нанести вреда «лицу» своего адресата находит проявление не только в публичной, но и в межличностной коммуникации (в том числе при отсутствии наблюдателей) и проявляется в таком свойстве речевого поведения, как тактичность (Leech 1983; 2007; Ларина 2009). «Такт как стратегия коммуникативного поведения определяется желанием не нанести ущерба личностной сфере собеседника. Тактичность как признак речевого поведения находит проявление в речевых приемах, которые во всей своей совокупности могут быть отнесены к проявлениям такта» (Иссерс, 2023, с. 22).

Параметры для измерения тактичности отдельных индивидуумов и социальных групп определить сложно, хотя на интуитивном уровне каждый говорящий может отличить тактичное поведение от бестактного. Например, Дж. Лич видит проявление такта в соблюдении границ личной сферы собеседника, однако представление об этих границах, по его мнению, в каждом речевом акте говорящий должен устанавливать интуитивно (Leech, 1983). Немецкий философ Х.-Г. Гадамер считал, что понятие такта «нев्यразительно и невыразимо». На его взгляд, такт помогает держать дистанцию, избегать уязвлений и столкновений, слишком близкого соприкосновения и травмирования интимной сферы личности. Данная коммуникативная категория проявляется в способности к восприятию ситуации и выбору линии поведения внутри нее, для которой у носителей языка нет знания, исходящего из общих принципов (Гадамер, 1988). Признаки такта установить гораздо сложнее, чем нарушение этикета: они чаще всего определяются «от противного» — через бестактность.

В качестве проявления тактичности нередко рассматривается уместность речи — умение учитывать обстоятельства общения (возраст, пол, социальный статус собеседника, место разговора, наличие / отсутствие посторонних) (Винокур, 2010). В этом же ключе современные исследователи интерпретируют категорию такта как принцип реализации стратегии вежливости (Коробова, 2014).

Попытку описать такт как проявление коммуникативной этики предприняла А.К. Борзунова: «Тактичность — это этическая норма, чувство меры, предсказывающее наиболее деликатную линию поведения по отношению к кому-либо. В общении предписывается понимать собеседника, избегать неуместных вопросов, не обсуждать темы, которые могут вызвать неприятные чувства и ассоциации у него» (Борзунова, 2012, с. 80).

В работах И.А. Стернина предлагается параметрическая модель описания национального коммуникативного поведения, в которой в качестве отдельных признаков перечислены те, которые в той или иной степени репрезентируют тактичность. Сравнивая русское и американское коммуникативное поведение, автор отмечает существенные для

сопоставления параметры: интимность общения, стремление к сохранению лица собеседника, вежливость к знакомым и незнакомым, допустимость откровенного разговора по душам, интимность сообщаемой и запрашиваемой информации, степень табуированности общения и др. В комплексе все указанные выше признаки позволяют увидеть различия в коммуникации русских и американцев (Очерк американского коммуникативного поведения, 2001, с. 186 – 193).

Данные параметры актуальны для предлагаемого исследования, поскольку в разной степени и с различных позиций рассматривают проявления тактичности и возможности описания коммуникативной категории такта на основе определенного набора признаков.

3. Масс-медиа как источник для наблюдения динамики коммуникативных норм

Признаки такта, как и бестактности, устанавливаются дискурсивно. Не раз отмечалось, что высказывание, взятое вне контекста, само по себе не может расцениваться с точки зрения вежливости / невежливости, такта / бестактности — оно может получить данную характеристику только с учетом всего социально-культурного и ситуативного контекста, при этом право на оценку всегда остается за адресатом. Даже безупречно построенная этикетная фраза в том или ином коммуникативном контексте может оказаться неуместной и быть воспринята как насмешка, ирония, сарказм, колкость. В то же время грубое, на взгляд стороннего наблюдателя, высказывание может восприниматься как вполне уместное в рамках кооперативного общения со «своими» (см., напр.: (Ларина, 2018, с. 136 – 137)).

Учитывая сказанное выше, необходимо было выбрать для исследования такой тип дискурса, в котором контекстуальная и ситуативная зависимость оценки высказывания по шкале такта / бестактности была бы ниже, чем в других типах (например, в неофициальном межличностном общении). Такт как коммуникативная стратегия определяется представлениями о личном и публичном (общественном) пространстве в широком смысле. В связи с этим источником для формирования корпуса примеров для включения в анкету был избран жанр журналистского интервью — один из наиболее популярных в современной медийной коммуникации. Наличие «двойного адресата» (собеседника и массовой аудитории) задает определенные ограничения для участников интервью, которые, как правило, ими вполне осознаются. Этот дискурсивный параметр определяет и шкалу оценивания аудиторией публичных высказываний в аспекте допустимости и потенциальной угрозы «лицу» собеседника.

В последние годы анализ медиадискурса в аспекте категорий вежливости и такта оказался в фокусе лингвистических и междисциплинарных исследований. Описаны «легитимные» и «нелегитимные» спо-

события вторжения в личное пространство, а также контрприемы, противодействующие подобной экспансии (Фролова 2018; Иссерс, 2018; 2023; Жупинская, 2022). При этом нельзя не учитывать экстралингвистические факторы, влияющие на оценивание медиаречи в аспекте рассматриваемых категорий такта и приватности.

Явная ориентация современных медиа на интересы и потребности массовой аудитории обуславливает содержательную, этическую, стилистическую трансформацию медиаформатов и медиажанров в сторону массовой культуры (Сахнова, 2013). Это обнаруживается в отмене некоторых табу, существенном расширении обсуждаемых тем, намеренной провокационности поведения журналиста, в том числе и в повышенном внимании к личной жизни интервьюируемых (Иссерс, 2018; Амиров, Мамедова, 2021 и др.).

Современная тенденция к эмоциональному вовлечению массовой аудитории обнаруживается в использовании табуированных тем, ведении коммуникации в исповедальной тональности и т. п., как показано в работе К. Валь-Йоргенсен, рассматривающей роль эмоций при производстве медийного текста или видеопродукта (Wahl-Jorgensen, 2020).

Аналогичные выводы, но в контексте «эмоционализации» как отличительной черты современного медиадискурса сделаны в работе Ф. Заплеттини, Д. М. Понтон и Т. В. Лариной (Zappettini, Ponton, Larina, 2021). Авторы отмечают, что медиаплатформы ставят новые задачи в отношении производства и потребления информации, «поскольку различия между публичной и частной сферой становятся все более размытыми» (Там же, р. 597).

Указанные изменения в жанре интервью «приводят ко все более широкой употребительности иницилирующей стратегии вторжения в личное пространство говорящего, а также реактивной стратегии защиты личного пространства» (Жупинская, 2022, с. 14–15).

Таким образом, для формирования эмпирической базы исследования был избран медийный дискурс как наиболее показательный с точки зрения трансформации коммуникативных норм.

4. Метод и материал

На первом этапе исследования задача заключалась в отборе фрагментов интервью, где один из его участников выразил оценку речевого акта с позиций уместности и такта. С этой целью на материале Национального корпуса русского языка и компьютерного корпуса текстов СМИ «Медialogия» был проведен анализ одного из типичных способов нарушения границ личной сферы — *бестактного вопроса* (поиск проводился по маркерам *бестактный / неприличный вопрос*). Наряду с универсальной семантикой вопросов, связанных с нарушением личного пространства (вопросы о сексе, физиологии, смерти, изменениях внешности и т. п.) были выявлены семантические и прагматические маркеры бестактности, типичные для русского коммуникативного поведения (Иссерс, 2023).

На втором этапе исследования, результаты которого частично представлены в данной статье, необходимо было проверить восприятие высказываний, маркированных в журналистских интервью как бестактные, носителями языка. В анкету вошли 8 тематических блоков высказываний, отражающих семантику и прагматику бестактных вопросов: о возрасте, семье и детях, религии, сексе, болезни и смерти, финансах, внешности, национальности. Ответы ранжировались по шкале: 1) вопрос абсолютно неприемлемый, бестактный; 2) вопрос допустимый, но не с любым собеседником; 3) вопрос вполне уместный, в нем нет ничего бестактного.

Анкета предварялась установочными комментариями для информантов, где акцентировалось внимание на публичном типе коммуникации: *«Все примеры взяты из интервью журналистов на ТВ или Youtube с известными людьми. Нас интересует уместность этих вопросов в публичной коммуникации (например, в интервью на ТВ). Мы не рассматриваем межличностное общение. В своих ответах вы можете опираться на собственные представления о допустимости обсуждения подобных тем в СМИ».*

Было получено 228 анкет с ответами на 41 вопрос. Состав информантов определялся задачами исследования. Наличие высшего образования (у 98 % — высшее или незаконченное высшее) позволяло сделать заключение о сформированности коммуникативных навыков, в том числе способности рефлексировать по поводу результатов коммуникации. Балансировка по возрасту предполагала возможность сопоставить ответы молодых людей (51,3 % до 30 лет) со средним и старшим поколениями (из них 33,3 % от 31 до 55 лет; 15,4 % старше 55 лет).

В силу объективных причин не удалось сбалансировать состав информантов по гендерному признаку (более 80 % информантов — женщины). Задача выявления различий в представлениях мужчин и женщин о такте и бестактности может рассматриваться как перспектива исследования.

5. Результаты и обсуждение

Далее мы представим интерпретацию результатов анкетирования по четырем тематическим блокам анкеты, которые, на наш взгляд, наиболее показательны в аспекте нарушения границ личного пространства, — это вопросы о возрасте, семье и детях, религии и сексе.

1. **Вопросы о возрасте.** В данный блок были включены как прямые (1 и 2), так и косвенные вопросы о возрасте (3 и 6). В число последних входит и запрос информации о спутнике / спутнице, имеющем (-ей) значительные отличия по возрасту (4 и 5).

1. Сколько вам лет? (вопрос женщине)
2. Сколько вам лет? (вопрос мужчине)
3. Вы уже на пенсии? (вопрос женщине/мужчине)
4. Это ваша внучка? (о молодой спутнице пожилого мужчины).
5. Это ваш сын? (о молодом спутнике женщины среднего возраста)
6. У вас уже есть внуки?

Вопросы о возрасте, особенно адресованные женщине, неизбежно попадают в зону коммуникативного риска, поскольку, независимо от адресации мужчине или женщине, часто имеют импликацию «Я не уверен, что вы так молоды, как выглядите». Большая часть информантов считают, что по отношению к женщине этот вопрос приемлем, но не для любого собеседника (63,6%), почти 30% считают его вполне уместным независимо от ситуации, остальные (менее 7%) выразили мнение, что данный вопрос бестактный.

По отношению к мужчине этот вопрос воспринимают как бестактный еще меньше информантов — около 2%; мнения остальных распределились почти поровну: 47,8% рассматривают его как допустимый, но не с любым собеседником, 50% вообще не усматривают в нем рисковенного фактора.

На рисунке 1 представлено распределение ответов на косвенный запрос о возрасте, адресованный как женщине, так и мужчине. Очевидно, что его не зададут человеку, чья внешность не оставляет сомнений в пенсионном возрасте. Потенциальные риски, связанные с его бестактностью, обусловлены фоновыми знаниями о возрасте выхода на пенсию: коммуникативная неудача может возникнуть, если возраст адресата не достиг пенсионного. Рисковенность данного запроса не ощущают больше трети опрошенных (26,8% — «вопрос вполне уместный, в нем нет ничего бестактного»); 59,6% считают, что «вопрос допустимый, но не с любым собеседником»), воздержаться от любопытства в этой ситуации готовы лишь 13,6%.

Вы уже на пенсии? (вопрос женщине/мужчине)
228 ответов

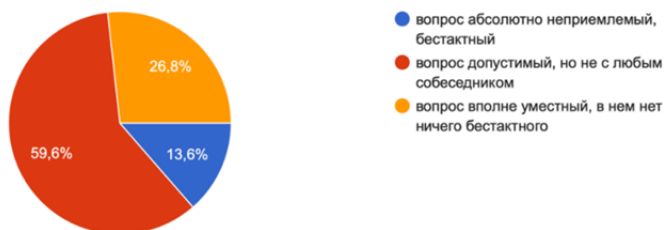

Рис. 1. Косвенный вопрос о возрасте

Вопросы о «родственных» отношениях спутников, явно отличающихся по возрасту, также относятся к косвенным запросам о возрасте. Потенциальная бестактность любого предположения обусловлена намеком на «неравные» или даже «незаконные» отношения, нарушающие некую социальную норму. По нашим данным, они одинаково рисковенны — как по отношению к сопровождаемой молодым спутником женщине, так и по отношению к мужчине и его молодой спутнице (рис. 2 и 3). Около половины информантов отметили потенциальный риск подобного любопытства. В то же время 11–12% опрошенных его не ощущают. При анализе корреляций с возрастом информантов установлено, что представители среднего и старшего поколения менее стеснены в данном случае, чем молодежь.

4. Это ваша внучка? (о молодой спутнице пожилого мужчины)

228 ответов

Рис. 2. Вопрос о родственных отношениях со спутницей

5. Это ваш сын? (о молодом спутнике женщины среднего возраста)

228 ответов

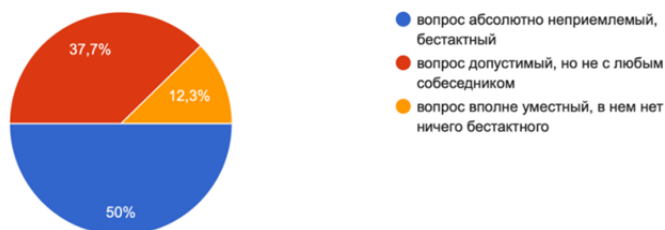

Рис. 3. Вопрос о родственных отношениях со спутником

Вопрос «У вас уже есть внуки?», косвенно указывающий на возраст адресата, рассматривают как допустимый (но не с любым собеседником) 57,5%; уместный безотносительно к ситуации — 23,7%. Содержащийся в нем риск внедрения в личное пространство собеседника усматривают меньше 20% информантов.

Таким образом, по блоку 1 можно сделать вывод: в русской коммуникативной культуре вопросы о возрасте как женщин, так и мужчин *не входят* в ядерную зону коммуникативных рисков. Лишь запросы, имплицитные предположения о близких, но не родственных отношениях с молодыми спутниками, могут, по мнению информантов, представлять бестактность по отношению к адресату.

2. Вопросы о семье, браке и детях:

7. У вас есть дети?

8. Когда деток заведете? (вопрос молодоженам)

9. Почему вы не женаты / не замужем?

10. У вас это не первый брак?

11. Как вы решились на это? (о детях многодетной мамы / отца)

12. А у них у всех один папа? (вопрос многодетной маме)

К сфере личного пространства, границы которого охраняются субъектом от непрошеного любопытства, обычно относятся вопросы женитьбы / замужества (9–10), планирования детей (7–8). Другая сто-

рона бестактности связана с многодетностью (11–12). Запрос о том, все ли дети от одного отца (матери), также попадает в зону бестактности, причем даже в ситуациях, когда коммуниканты хорошо знакомы.

Вопрос о наличии детей (7) представляется приемлемым более 87 % опрошенных, однако почти половина из них считают его потенциально рискованным, допустимым не с любым собеседником. И только 12,7 % уверены, что такая инициативная реплика может угрожать границам личной сферы собеседника.

Интерес к вопросам планирования детей в чужой семье (8) подавляющее большинство информантов (98 %) считают рискованным, из них 74,2 % – абсолютно недопустимым, оставшиеся – допустимым с близкими людьми. Заметим, что здесь представления молодой аудитории и тех, кому больше 30, расходятся: более 90 % молодых людей рассматривают его как вторжение в личное пространство.

Вопросы «Почему вы не женаты / не замужем?» (9) и «У вас это не первый брак?» (10) касаются обстоятельств личной жизни, которыми не каждый склонен делиться с другими. Потенциальную бестактность обоих вопросов ощущают более 95 % опрошенных, из них вопрос об отсутствии супруга представляется менее допустимым (24 % отметили его как уместный), чем вопрос о количестве брачных партнеров: 45,2 % считают его неприемлемым в публичной коммуникации, а 50 % информантов полагают возможным его обсуждение.

Вопросы о многодетности также имеют зону коммуникативного риска. Можно предположить, это объясняется имплицитным намеком на отсутствие планирования семьи. С другой стороны, он может быть мотивирован эмпатией, стремлением оценить труд родителей, необходимый для воспитания детей. Эта неоднозначность вопроса определила его оценку как уместного (22,4 %) и допустимого (43,9 %) значительным количеством информантов (рис. 4). В то же время отметим, что молодая аудитория (младше 30 лет) менее склонна к подобным расспросам, чем остальные информанты.

11. Как вы решились на это? (о детях многодетной мамы/отца)

228 ответов

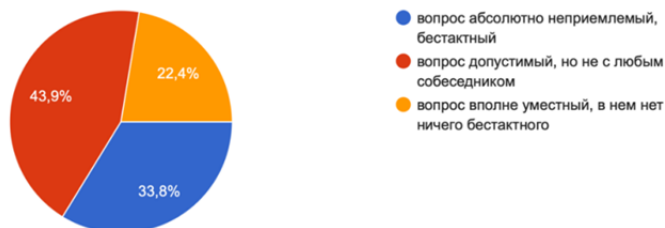

Рис. 4. Вопрос о планировании семьи

По сравнению с предыдущим вопросом рискованность любопытства об отце / отцах детей многодетной мамы видится верхом непри-

личия (рис. 5). Менее 2 % посчитали возможным его задать в публичном общении, остальные разделились на тех, кто ни при каких условиях не поинтересуется (80,7 %), и на тех, кто может его задать, но не каждому собеседнику (17,5 %). К числу последних можно отнести, вероятно, Дм. Быкова³, который в интервью со своей давней знакомой — поэтессой и бардом Вероникой Долиной — проявил любопытство по данному поводу:

В.Д.: В 28 лет у меня было трое детей...

Дм. Б.: А эти трое все от разных людей?

В.Д.: Ну, не всё тебе тут... не все секреты...

По реакции интервьюируемой можно оценить неуместность вопроса, заданного журналистом.

12. А у них у всех один папа? (вопрос многодетной маме)

228 ответов

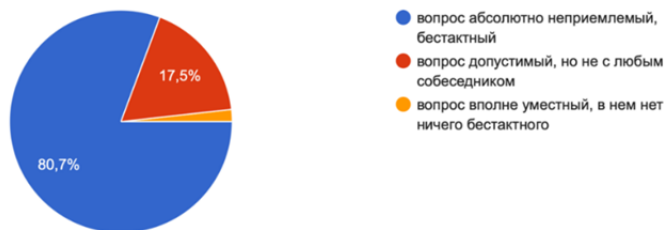

Рис. 5. Вопрос многодетной маме

Таким образом, опрос информантов по тематическому блоку, объединяющему вопросы о браке, семье и детях, показал, что в ядерную зону бестактности (более 70 % ответов о недопустимости вопроса) попадают вопросы о причинах отсутствия официального партнера, планировании детей и родителях (отце) детей многодетной мамы. Нельзя не заметить, что вопрос «У вас есть дети?» значительному количеству информантов не представляется бестактным, в то время как в современной западной культуре он считается одним из наиболее травмирующих по отношению к женщинам.

3. Этот блок составили вопросы, касающиеся *религии и вероисповедания*:

13. Вы верующий?

14. После пережитого вы Бога стали больше благодарить?

15. Вы пост соблюдаете?

16. Как вы пришли к вере?

17. Разве ученый может быть верующим?

Вопросы о вере и религии регулярно провоцируют коммуникативные риски. Это отмечает журналист О. Бакушинская: «На мой взгляд, к религиозной агрессии относится даже напрямую заданный вопрос: “Ты верующий?” Мне ничего не стоит ответить на этот вопрос, но я считаю его не-

³ Физлицо, включенное Министерством юстиции РФ в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

приличным, как вопрос о подробностях моей половой жизни, исходящий не от врача. Вера — дело личное и интимное, и размахивать ею как веером — пускать по ветру самое дорогое» (Комсомольская правда, 2005; выделено нами. — О.И.).

Как можно судить по результатам анкетирования, вопросы о вере и отношениях с Богом не представляются российским информантам абсолютной сферой приватности. Вопрос 13 оценили как вполне уместный в публичном общении 34,2% опрошенных; допустимый, но не с любым собеседником — более половины информантов (50,9%). То есть около 85% информантов считают возможным его обсуждение с незнакомыми людьми в публичной коммуникации. Вопрос 14 информанты оценивают как наиболее личный, по-видимому, интуитивно ощущая, что он нарушает границы личного пространства: почти половина опрошенных считают его бестактным, около 40% допустимым и только 12,7% рассматривают его как возможный для публичного обсуждения⁴.

Вопросы 15 и 16 касаются выполнения религиозных предписаний и пути к вере: они также не представляются значительной части информантов нарушающими сферу приватности и демонстрируют приблизительно одинаковое распределение мнений (рис. 6 и 7).

15. Вы пост соблюдаете?

228 ответов

Рис. 6. Вопрос о выполнении религиозных предписаний

16. Как вы пришли к вере?

228 ответов

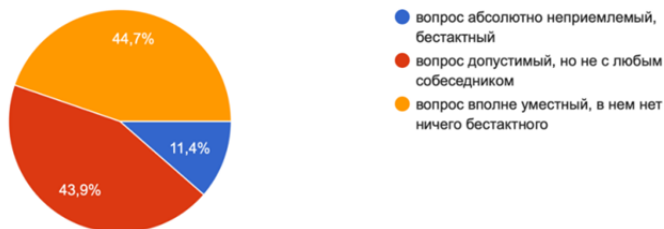

Рис. 7. Вопрос о пути к вере

⁴ Данный вопрос был задан Борисом Корчевниковым, телеведущим канала «Россия 1» в ходе интервью актрисе И. Безруковой.

Вопрос 17 (*Разве ученый может быть верующим?*) содержит имплицитное утверждение о несовместимости научной и религиозной моделей мира. По своему потенциальному риску он близок к вопросам о вере и пути к ней (13 и 16). Однако в данном случае мнения распределились почти поровну (рис. 8).

Таким образом, ответы третьего тематического блока демонстрируют размытость у носителей русского языка границ личного пространства в вопросах, касающихся религии и веры.

17. Разве ученый может быть верующим?
228 ответов

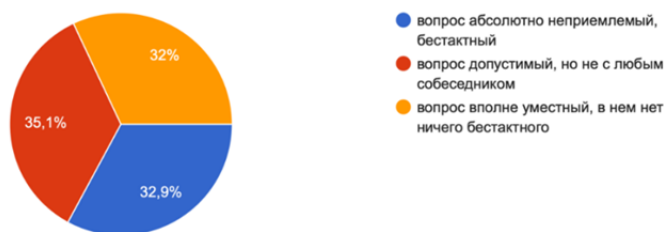

Рис. 8. Вопрос о совместимости научной и религиозной моделей мира

4. В этом блоке объединены вопросы о *сексе*, традиционно табуированные в христианской культуре:

18. Хороший секс или хороший стейк? (журналист – собеседнику)
19. А забеременела ты по залету?
20. У Вас с ней был секс?
21. Как вы поддерживаете себя в форме? (о сексуальном здоровье)

Темы секса, телесного низа и физиологии считаются недопустимыми в публичном обсуждении (Стернин, 2008, с. 226). В зону коммуникативного риска попадают не только прямые вопросы о сексе, но и косвенные, имплицитующие сексуальную тематику (см., напр., вопрос 21).

Как самые бестактные, скорее даже неприличные, отмечены вопросы 19 и 20 (рис. 9 и 10), представляющие собой прямой запрос конфиденциальной информации. Их недопустимость при любых условиях отметило большинство информантов (90,8% и 68% соответственно). В то же время можно наблюдать тенденцию к размыванию границ личного пространства в столь интимной области: так, вопрос 20 (*У вас с ней был секс?*⁵) представляется допустимым с некоторыми собеседниками почти трети опрошенных. Не будем забывать, что условия общения заданы анкетироваемым изначально – это публичная коммуникация, предполагающая наличие массового адресата. Отметим здесь значительные различия между молодежной аудиторией и представителями

⁵ Вопрос был задан в программе «Вдудь» Юрием Дудём* журналисту, главному редактору радиостанции «Эхо Москвы»** Алексею Венедиктову* и касался взаимоотношений последнего с сотрудницей.

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ – иностранным агентом.

** Признана Министерством юстиции РФ иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента.

среднего и старшего поколения: более 20 % молодых людей полагают, что этот вопрос не нарушает сферу приватности, в то время как доля остальных — менее 10 %.

19. А забеременела ты по залету?

228 ответов

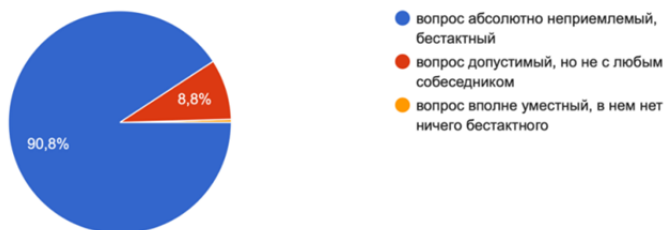

Рис. 9. Прямой вопрос о внебрачной беременности

20. У вас с ней был секс?

232 ответа

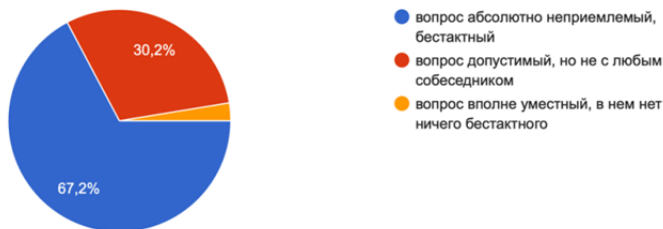

Рис. 10. Прямой вопрос о сексуальном партнере

Иронический характер вопроса 18 о выборе между сексом и стейком⁶ представляется информантам менее рискованным, чем прямые вопросы. Поэтому и распределение мнений здесь иное, чем в предыдущих случаях: более половины информантов допускают обсуждение подобных вопросов в шутовском, ироническом ключе.

18. Хороший секс или хороший стейк? (журналист - собеседнику)

228 ответов

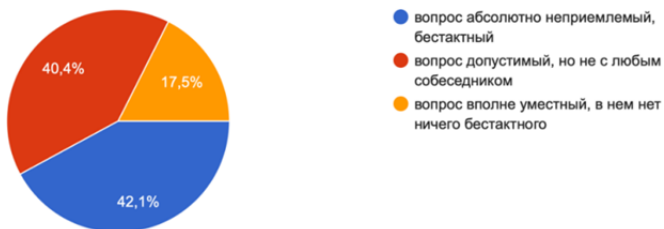

Рис. 11. Иронический вопрос о сексе

⁶ Вопрос был задан в интервью журналистом Ю. Дудём* актеру и телеведущему Д. Нагиеву. Тот ответил также шуткой: «Хороший секс. Хотя, как сказал Дж. Николсон, иногда хочется просто почитать».

* Признан Министерством юстиции РФ СМИ — иностранным агентом.

В вопросе 21 мнения разделились почти поровну: полагаем, что он содержит имплицитный комплимент физическому и сексуальному здоровью собеседника и в силу этого не воспринимается, в отличие от вопросов 19 и 20, как столь грубое вторжение в личную сферу.

21. Как вы поддерживаете себя в форме? (о сексуальном здоровье)

228 ответов

Рис. 12. Косвенный комплимент

Таким образом, и для наиболее рискогенной в медийном общении темы секса не исключается возможность публичного обсуждения, однако она в значительной степени ограничена социальными нормами. Информанты ощущают табуированность данной тематики и рассматривают как бестактные прямые вопросы о сексуальных отношениях. В то же время некоторая часть информантов (по большей части моложе 30 лет) воспринимает сексуальную тему как допустимую, но только в определенном контексте — например, шутливо-ироническом или комплиментарном.

Выводы

В результате проведенного социолингвистического эксперимента была проверена гипотеза о тенденции к изменению коммуникативных норм в сфере публичного общения. На материале интервью российских журналистов была сформирована анкета, в задачи которой входило ранжирование информантами рискогенных высказываний по шкале такта / бестактности. Полученные количественные данные могут служить основой для реконструкции некоторых представлений о личном пространстве и такте в русской коммуникативной культуре.

Оценка публичных высказываний в аспекте их уместности, допустимости или потенциальной угрозы «лицу» собеседника позволяет установить зоны коммуникативного риска и продемонстрировать гибкость, а в некоторых случаях и размытость границ приватности.

На основе полученных количественных результатов установлены интуитивно ощущаемые носителями русского языка социальные нормы дозволенного внедрения в личную сферу коммуникантов, определено влияние возрастных характеристик информантов на оценку высказываний. Данные анкетирования позволяют обнаружить случаи,

когда ответы информантов демонстрируют неоднозначность оценок, что свидетельствует о вариативности представлений россиян о такте и бестактности и, таким образом, об изменении социальных и коммуникативных норм.

Перспективы исследования связаны с расширением и углублением описания зон коммуникативных рисков, обусловленных меняющимися представлениями носителей определенного языка о личном пространстве и такте, изучением социодемографических факторов, обуславливающих их вариативность, а также с лингводидактическими задачами обучения тактичному речевому поведению. В аспекте межкультурной коммуникации большой интерес представляет сопоставительное изучение рассматриваемой проблематики на материале нескольких языков и культур.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-18-00238 «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: категория вежливости в словаре и дискурсе» <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

Список литературы

Амиров В. М., Мамедова Я. С. Интервью: от классического жанра к современным форматам (на примере программ «Вдудь» и «А поговорить?») // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, №3. С. 30–37. <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.3.052>.

Баженова Ю. А. Становление понятия коммуникативной культуры в гуманитарных и общественных науках // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. №2. С. 33–41.

Борзунова А. К. Коммуникативные неудачи как следствие нарушения речевого этикета // Молодой ученый. 2012. №8. С. 79–83.

Викulina М. А., Смирнова Н. М. Культура общения в студенческой среде вуза. Н. Новгород, 2010.

Винокур Г. О. Избранные работы по языкознанию и культуре речи. М., 2010.

Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М., 1988.

Деминцев В. В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов, 2016.

Дерябин Ю. И., Дерябина В. А. Личностное пространство как образно-символическая реальность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnoe-prostranstvo-kak-obrazno-simvolicheskaya-realnost> (дата обращения: 07.03.2024).

Дзялошинский И. М. Коммуникация и коммуникативная культура. М., 2022. URL: <https://www.iprbookshop.ru/115017.html> (дата обращения: 04.03.2024).

Жуков В. Ю. Основы теории культуры. СПб., 1997.

Жупинская А. В. Стратегия защиты личного пространства и средства ее языковой реализации в медийном интервью // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1: Филология. 2022. №4 (119). С. 14–21.

Иссерс О. С. Грани «приличного/неприличного» в публичной коммуникации (на примере интервью Юрия Дудя) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: матер. Междунар. науч. конф. (РГГУ, 23–24 октября 2018 г.). М., 2018. С. 94–103.

Иссерс О. С. Бестактный вопрос как коммуникативная проблема русской речевой культуры // Русский язык за рубежом. 2023. №5. С. 22–30. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.300.5.003>.

- Коробова Н. В.* Принцип такта в стратегии вежливости в речевом общении // Человек. Культура. Образование. 2014. №2 (12). С. 166–173.
- Культура* и коммуникация [2024] // CultToday.ru. Культура в жизни. URL: <http://www.culttoday.ru/cultstoriys-10-1.html> (дата обращения: 07.03.2024).
- Культура* русской речи : энцикл. словарь-справочник / Л. Ю. Иванов, А. П. Сквородников, Е. Н. Ширяев и др. М., 2007.
- Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
- Ларина Т. В.* Вежливость, невежливость и грубость в межкультурном аспекте // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : матер. Междунар. науч. конф. (РГГУ, 23–24 октября 2018 г.). М., 2018. С. 133–144.
- Лотман Ю. М.* Статьи по типологии культуры. Культура и информация // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2010. С. 392–461.
- Нартова-Бочавер С. К.* Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // Психологическая наука и образование. 2002. №1. С. 35–41.
- Очерк американского коммуникативного поведения* / под ред. И. А. Стернина, М. А. Стерниной. Воронеж, 2001.
- Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. М., 2002.
- Сахнова Е. Б.* Жанр интервью и его модификации // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Вып. 4. С. 98–103. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2013-13-4-98-103>.
- Стернин И. А.* Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Воронеж, 2008.
- Столярков В. И.* Философско-культурологический анализ коммуникативной культуры // Вопросы философии. 2003. №4. С. 78–91.
- Фролова О. Е.* Жанровая невежливость (на примере интервью) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : матер. Междунар. науч. конф. (РГГУ, 23–24 октября 2018 г.). М., 2018. С. 277–286.
- Altman I.* The environment and social behavior. Privacy, personal space, crowding. N. Y., 1975.
- Brown P., Levinson S. C.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Goffman E.* The presentation of self in everyday life. N. Y., 1959.
- Goffman E.* Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N. Y., 1967.
- Larina T.* Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // International Review of Pragmatics 2015. №7. P. 195–215. <https://doi.org/10.1163/18773109-00702003>.
- Leech G. N.* Politeness: Is there an East-West Divide? // Journal of Politeness Research. 2007. Vol. 3, №2. P. 167–206.
- Leech G. N.* Principles of Pragmatics. L. ; N. Y., 1983.
- Wahl-Jorgensen K.* An emotional turn in journalism studies? // Digital Journalism. 2020. Vol. 8, №2. P. 175–194. <https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1697626>.
- Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V.* Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25, №3. P. 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>.

Об авторе

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия;

главный научный сотрудник лаборатории исследований речевой коммуникации и категории вежливости, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-4027-6346

E-mail: isserso@mail.ru

Для цитирования:

Иссерс О. С. Представления о границах личного пространства и такте в русской коммуникативной культуре (по данным социолингвистического эксперимента) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №3. С. 150–171. doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

IDEAS ABOUT PRIVATE SPACE BOUNDARIES
AND TACT IN RUSSIAN COMMUNICATIVE CULTURE:
RESULTS OF A SOCIOLINGUISTIC EXPERIMENT

O. S. Issers

Dostoevsky Omsk State University,
55a, Ave. Mira, Omsk, 644077, Russia
Pushkin State Russian Language Institute,
6 Akademika Volgina St, Moscow, 117485, Russia

Submitted on 27.02.2024

Accepted on 15.04.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-9

This article discusses the results of a survey underlying a reconstruction of ideas about tact and tactlessness in Russian communicative culture.

The author considers the concept of tact to be a communicative strategy within the category of politeness that is closely related to native speakers' notion about the boundaries of private space. Thus, tact is defined as a communicative strategy driven by the speaker's desire to avoid infringing on the private space of their interlocutor. Moreover, ideas about the boundaries of private space and tact are among the most significant elements in describing a national communicative culture.

This study focuses on the tactless question as a typical way of violating private space boundaries. The survey questionnaire was based on interviewee behaviour observations, with one interviewee labelling the interviewer's questions tactless or indecent. It was established that the presence of an immediate addressee and a mass audience sets the parameters for evaluating public statements in terms of their acceptability or face-threatening potential.

This study aims to analyse the informants' assessment of 'tactless' questions proposed in the questionnaire as regards their appropriateness in public communication. The survey results are divided into the following thematic blocks corresponding to communication risk zones: age, family and marriage, religion and sex. The quantitative findings provide information on the social norms intuitively classified by Russian native speakers as preventing intrusion into private space. They also give an insight into the effect of age characteristics on statement evaluations. Informants' responses tend to exhibit ambiguity in assessments, highlighting the variability of contemporary perceptions regarding tact and tactlessness, thereby reflecting shifts in social norms.

Keywords: *category of politeness, tact, personal space, communicative culture, indecent question, tactless question, interview, communicative norms*

Acknowledgements. This study was funded by the Russian Science Foundation within Project No. 23-18-00238 “Linguistic Mechanisms of Social Interaction: Politeness in Lexis and Discourse”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

References

Altman, I., 1975. *The environment and social behavior. Privacy, personal space, crowding*. New York.

Amirov, V.M. and Mamedova, S. Ya., 2021. Interviews: from the classic genre to modern formats (using the example of the pro-grams “Wdud” and “How to talk?”). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia of the Ural federal university. Series 1. Problems of education, science and culture], 27 (3), pp. 30–37, <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.3.052> (in Russ.).

Bazhenova, Ju. A., 2015. The Development of the Notion of Communicative Culture in the Humanities and Social Sciences. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [South Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin], 2, pp. 33–41 (in Russ.).

Borzunova, A.K., 2012. Communicative Failures as a Result of Violation of Speech Etiquette. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 8, pp. 79–83 (in Russ.).

Brown, P. and Levinson, S.C., 1987. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge.

Culture and communication. In: *Kul'tura v zhizni* [Culture in life]. Available at: <http://www.culttoday.ru/cultstoriys-10-1.html> [Accessed 7 March 2024].

Dementev, V.V., 2016. *Rechezhanrovye kommunikativnye tsennosti v novykh i noveis-hikh sferakh russkoi rechi* [Speech and genre communicative values in new and emerging areas of Russian Speech]. Saratov (in Russ.).

Deryabin, Yu.I. and Deryabina, V.A., 2011. Private space as a figurative and symbolic reality. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current problems in the humanities and natural sciences], 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnoe-prostranstvo-kak-obrazno-simvolicheskaya-realnost> [Accessed 7 March 2024].

Dzyaloshinskii, I.M., 2022. *Kommunikatsiya i kommunikativnaya kul'tura* [Communication and communicative culture]. Moscow. Available at: <https://www.iprbookshop.ru/115017.html> [Accessed 4 March 2024].

Frolova, O.E., 2018. Genre impoliteness (by example of interview). In: *Vezhliivost' i antivezhliivost' v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication: Materials of the International Scientific Conference]. 23–24 October 2018. Moscow, pp. 277–286 (in Russ.).

Gadamer, H.G., 1988. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germeneytiki* [Truth and Method: Basics of Philosophical Hermeneutics]. B.N. Bessonov, ed. Moscow (in Russ.).

Goffman, E., 1959. *The presentation of self in everyday life*. New York.

Goffman, E., 1967. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York.

Issers, O.S., 2018. The Borderline between the “Decent” and “Indecent” in Public Communication (as in the Case of Interview by Yury Dud). In: *Vezhliivost' i antivezhliivost' v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication: Materials of the International Scientific Conference]. 23–24 October 2018. Moscow, pp. 94–103 (in Russ.).

Issers, O.S., 2023. Tactless question as a communicative problem in Russian speech culture. *Russian Language Abroad*, 5, pp. 22–30. <https://doi.org/10.37632/PL.2023.300.5.003> (in Russ.).

Ivanov, L. Yu., Skovorodnikov, A.P., Shiryaev, E.N. et al, eds., 2007. *Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Russian Speech Culture: Encyclopedic Dictionary and Reference]. Moscow (in Russ.).

Korobova, N.V., 2014. The principle of tact and strategies of politeness in communication. *Human. Culture. Education*, 2 (12), pp. 166–173 (in Russ.).

Larina, T., 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*. no. 7. pp. 195–215, <https://doi.org/10.1163/18773109-00702003>.

Larina, T.V., 2009. *Kategoriya vezhливosti i stil' kommunikatsii. Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [The Category of Politeness and the Style of Communication. Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions]. Moscow (in Russ.).

Larina, T.V., 2018. Politeness, impoliteness and rudeness from the perspective of intercultural communication. In: *Vezhливost' i antivezhливost' v yazyke i kommunikatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication: Materials of the International Scientific Conference]. 23–24 October 2018. Moscow, pp. 133–144 (in Russ.).

Leech, G.N., 1983. *Principles of Pragmatics*. London; New York.

Leech, G.N., 2007. Politeness: Is there an East-West Divide? *Journal of Politeness Research*, 3 (2), pp. 167–206.

Lotman, Yu.M., 2010. Articles on the typology of culture. Culture and information. In: Yu.M. Lotman, ed. *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg, pp. 392–461 (in Russ.).

Nartova-Bochaver, S.K., 2002. The concept of “psychological space of the personality” and its heuristic capabilities. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 1, pp. 35–41 (in Russ.).

Prokhorov, Yu.E. and Sternin, I.A., 2002. *Russkie: kommunikationoe povedenie* [Russians: communicative behavior]. Moscow (in Russ.).

Sakhnova, E.B., 2013. Genre of Interview and its Modifications. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 4, pp. 98–103, <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2013-13-4-98-103> (in Russ.).

Sternin, I. A. and Sternina, M. A., eds., 2001. *Ocherk amerikanskogo kommunikationogo povedeniya* [An essay on American communicative behavior]. Voronezh (in Russ.).

Sternin, I.A., 2008. *Izbrannye raboty. Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznaniya* [Selected Works. Theoretical and Practical Issues of Language Studies]. Voronezh (in Russ.).

Stolyarov, V.I., 2003. Philosophical-cultural analysis of the communicative culture. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 4, pp. 78–91 (in Russ.).

Vikulina, M.A. and Smirnova, N.M., 2010. *Kul'tura obshcheniya v studencheskoi srede vuza* [Culture of communication among the students of the university]. Nizhny Novgorod (in Russ.).

Vinokur, G.O., 2010. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i kul'ture rechi* [Selected Works on Language Studies and Speech Culture]. Moscow (in Russ.).

Wahl-Jorgensen, K., 2020. An emotional turn in journalism studies? *Digital Journalism*, 8 (2), pp. 175–194, <https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1697626>.

Zappettini, F., Ponton, D.M. and Larina, T.V., 2021. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (3), pp. 586–610, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>.

Zhukov, V. Yu., 1997. *Osnovy teorii kul'tury* [Fundamentals of the theory of culture]. St. Petersburg (in Russ.).

Zhupinskaya, A. V., 2022. Privacy protection strategy and language means of its realization in media interviews. *The Bulletin of Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 4 (119), pp. 14 – 21 (in Russ.).

The author

Dr hab. Oxana S. Issers, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Translation Studies and Media Communications, Dostoevsky State University of Omsk; Chief Researcher, Laboratory for Speech Communication and Politeness Categories Studies, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-4027-6346

E-mail: isserso@mail.ru

To cite this article:

Issers, O.S., 2024, Ideas about private space boundaries and tact in Russian communicative culture: results of a sociolinguistic experiment, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 3, pp. 150 – 171. doi: 10.5922/2225-5346-2024-3-9.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))